И. Г. ЧАРАШВИЛИ

НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

(ВОСПОМИНАНИЯ О СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТБИЛИССКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ТБИЛИСИ 1975

9(С)27
355.48(47) «1941:1945»
ч 20

В воспоминаниях бывшего командира артиллерийской батареи 90-го стрелкового полка 95-ой стрелковой дивизии ИВАНА ГЕОРГИЕВИЧА ЧАРАШВИЛИ описываются отдельные эпизоды Сталинградской битвы, в которых автор принимал участие, а также чувства, настроения, переживания советского воина, его неугасимая вера в победу.

Книга посвящена 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Ч $\frac{10601}{т-608\ (08)-75}$

В 1932 году я окончил артиллерийскую школу Первого грузинского артиллерийского полка, после чего был уволен в запас. В 1941 году я был призван на военную службу и получил назначение в 41-ый пограничный полк, сначала на должность исполняющего обязанности командира полковой артиллерийской батареи, а затем — командира взвода управления батарей.

В декабре 1941 года полк зачислили в состав 10-ой дивизии войск НКВД.

18—26 февраля 1942 года наша полковая артиллерийская батарея была передана 4-му мотострелковому полку им. Ф. Э. Дзержинского 13-ой дивизии войск НКВД, командиром которой был полковник Василий Акимович Горишный.

Я был назначен заместителем командира батареи по стрелковой части. Командиром батареи был лейтенант Н. Чолокашвили.

Согласно плану боевой подготовки в первой декаде марта 1942 состоялась проверка боевой готовности нашей батареи. 10 марта в 10 часов весь личный состав батареи был поднят по тревоге и со всей техникой на автомашинах направлен к реке Дон. Личный состав батареи в основном был укомплектован из грузин и донецких шахтеров. Был ясный ветреный день. Мороз достигал 36—38 градусов, несмотря на теплую одежду, всем было холодно. Через час останавливаемся на безлесной равнине. По рельефу местности заметно, что мы находимся в дельте большой реки, но воды не видно, вокруг бело — все покрыто глубоким снегом.

Получив команду «К бою», бойцы и командиры выскочили из машин, огневики быстро выкатили полковые пушки и укрыли их в снегу, связисты и разведчики получили боевые задания. Вскоре был готов наблюдательный пункт. Весь личный состав батареи действовал ритмично и слаженно: как

всегда, отличились разведчики Мчедлишвили и Крышенко, связисты Пономаренко и Кремер, из огневиков лучше всех замаскировался командир орудия, бывший донецкий шахтер, толковый и веселый сержант Попов. Всего 10 минут — и батарея готова выполнить любое задание командования.

Командир дивизии полковник Горишный намечает две условные цели на расстоянии приблизительно 6 километров от бокового наблюдательного пункта: первая из них — наблюдательный пункт, вторая — рота пехоты «противника». Командир батареи Чолокашвили поручает выполнение этого задания мне.

Начальник артиллерии дивизии майор Баличенко засекает время, спустя 2 минуты 30 секунд даю команду первому орудию 1-го огневого взвода. Раздается выстрел. Снаряд разорвался далеко от первой цели — перелет примерно на 100—150 метров, уменьшаю прицел, изменяю угол, даю команду «Огонь!», второй снаряд разрывается, не долетев до цели, — недолет. Третий снаряд попадает прямо в цель — наблюдательный пункт противника «взорван». «Хорошо! Отлично!» — слышится голос командира полка Клименко, комиссар Крысов улыбается, командир батареи Чолокашвили подмигивает мне. Переношу огонь на «пехоту противника». Первый снаряд разрывается значительно левее цели, даю поправку, второй выстрел — опять отклонение и небольшой перелет. Уменьшаю уровень, вношу небольшое изменение в угломер, даю команду «Огонь!», третий снаряд разрывается посередине расположения «пехоты противника». Даю следующую команду «Батарея, шрапнелью, пять снарядов, беглый огонь!». Командир батареи Чолокашвили отменяет мою команду — нет необходимости расходовать снаряды, цель считается пораженной, задание выполнено отлично, все довольны.

11 марта того же 1942 года состоялась первая дивизионная партийная конференция нашей 13-ой мотострелковой дивизии НКВД, на которую я был избран делегатом от 4-го мотострелкового полка имени Ф. Э. Дзержинского. На конференции я был избран членом дивизионной партийной комиссии.

14 марта 1942 года штаб и три полка 13-ой дивизии погрузились в железнодорожные вагоны и двинулись на запад, в харьковском направлении. Через три дня полки выгрузились на левом берегу реки Оскол в Двуреченском районе Харьковской области и были расквартированы по близлежащим селам. Наш 4-ый МСП и штаб дивизии расположились на правом берегу реки в районном центре Двуречная, где мы оставались до 5 июня 1942 года. В этот период другие полки нашей дивизии принимали участие в боях на северном Донце

в районе Купянска и на других участках Юго-Западного фронта.

В связи с изменением положения на Западном фронте, нашей 13-ой резервной дивизии было приказано 5 июня 1942 года оставить Харьковскую область и своим ходом медленно начать продвижение на восток. Мы оставили позади фронт, многие города и села Харьковской, Ворошиловградской и Воронежской областей. По дороге вражеские самолеты часто бомбили колонну.

В результате зверской бомбардировки сильным пожаром были охвачены города Острогожск, Коротояк и окружающие их села. Шоссейные и проселочные дороги были переполнены беженцами. Покидая охваченные пожаром города и села, люди шли на восток. Нескончаемым потоком шли женщины с заплаканными глазами и измученными лицами, с детьми на руках, старики, калеки; некоторые матери погрузили свой скарб на детские коляски, сверху посадили невыспавшихся детей и тянули за собой этот тяжелый груз по ухабистым проселочным дорогам. На обочинах дорог, в канавах валялись разбитые автомашины, повозки, убитые лошади и коровы. Невыносимо тяжелая картина. Вспоминаю своих маленьких детей, фото которых у меня всегда хранится в левом кармане гимнастерки.

Во всех селах области, через которые мы проходили или где останавливались, мы встречали только стариков, старух и женщин с детьми, все остальные находились в рядах Советской Армии или в партизанских отрядах. С 17 июля по 10 августа 1942 года наш 4-ый мотострелковый полк стоял в одном из селений Воронежской области. 10 августа 1942 года мы оставили селение и двинулись в направлении станции Балашов. Полки нашей дивизии рассредоточились в селах, окружающих станцию. Наш полк и батарея были расквартированы в селе Простянка, которое находилось примерно в 4-х километрах от Балашова.

Ночью 15 августа началась погрузка полков нашей дивизии в эшелоны. 17 августа соединение выгрузилось в лагерях, находившихся в Тульской области. В этих лагерях дивизия стояла всего несколько дней — до 4 сентября 1942 года. За этот период произошло переформирование и доукомплектование дивизии. Соединение в целом, в том числе наша артиллерийская батарея, перешло с мотомеханизированной тяги на конную. Была произведена также внутренняя перегруппировка офицерского и рядового состава батарей. При нашем полку была сформирована противотанковая батарея, куда из нашей батареи были переведены некоторые огневики и командир 2-го огневого взвода Л. В. Ахрахадзе. В нашу батарею командиром 2-го огневого взвода был назна-

чен младший лейтенант Осадчий. Я был назначен командиром взвода управления.

Контингент нашей батареи намного увеличился, при батарее были сформированы два дополнительных взвода — взвод боепитания и взвод тяги. Из маршевой роты мы приняли новое пополнение, в основном — ездовых, а также ездовых и упряжных лошадей, аммуницию, несколько повозок. С оружейного завода получили совершенно новые 76-миллиметровые орудия.

В связи с переходом на конную тягу значительно изменилась общая ситуация в батарее — новые люди, новые транспортные средства и новые темпы коренным образом изменили состояние артбатареи. Для приведения батареи в боевую готовность требовалась большая работа.

4 сентября 1942 года наша дивизия погрузилась в эшелоны и двинулась в направлении Москвы. Несколько дней мы находились в обороне Москвы и ее окрестностей, в основном — на Можайском направлении.

13 сентября 1942 года наша дивизия и полки были переименованы, дивизия получила название 95-ой стрелковой дивизии, а наш 4-ый мотострелковый полк — 90-го стрелкового полка. 95-ая стрелковая дивизия в полном составе двинулась на восток, после чего повернула на запад к Сталинграду, где шли ожесточенные бои как в центре города, так и на высоте Мамаев курган.

Шли мы день и ночь, на привалы останавливались на несколько минут, только для того, чтобы напоить людей и лошадей и набрать запас воды в фляжки. За целые сутки только один раз наша батарея остановилась примерно на два часа на каком-то хуторе, где покормили лошадей, подкрепились сами сухим пайком, и опять двинулись по запыленной проселочной дороге.

День был невыносимо жарким, к 12 часам температура воздуха на солнце достигала 40 градусов, дышать было трудно, утомившиеся, измученные жарой лошади с трудом тянули повозки, висевшая в раскаленном воздухе густая желтая пыль мешала двигаться. Ефрейтор Санадзе и еще один боец из взвода боепитания получили солнечный удар.

Все дороги, ведущие на запад, к Сталинграду, были переполнены воинскими частями. Навстречу нам, из охваченного пламенем Сталинграда, на восток шли женщины, дети, старики.

Под утро 18 сентября остановились на восточном берегу Волги, в Пугачевском лесу. Против нас, на западном берегу

Волги бушевал пожар, пламенем были охвачены южный и центральный районы Сталинграда, густым черным дымом был окутан весь город.

Бесперебойный грохот артиллерии, взрывы авиабомб, короткие очереди автоматов, шум моторов и гул разрушающихся зданий свидетельствовали о том, что в Сталинграде идут ожесточенные бои.

18 сентября 1942 года наша 95-ая стрелковая дивизия была включена в состав 62-ой армии. В этот же день в Пугачевском лесу состоялся митинг 90-го стрелкового полка. О задачах нашего полка и его подразделений с коротким сообщением выступил комиссар полка Крысов.

Через полчаса после окончания митинга полк был готов к выступлению. Опередившие нас колонны стрелковых батальонов двигались по лесному массиву вдоль Волги. Старые ЗИСы, полуторатонки и четырехколесные повозки до отказа были нагружены боеприпасами, продовольствием, медикаментами и людьми.

Наша артиллерийская батарея находилась за медсанротой Г. Е. Бородина. Сзади нас по направлению к 62-ой переправе двигались другие дивизии Сталинградского фронта. На легковых газиках часто появлялись командир дивизии полковник В. А. Горишный, комиссар дивизии И. А. Власенко, командир полка Борисов, комиссар Крысов и другие военачальники и политработники. Они информировали войска о последних событиях, контролировали передвижение, подбадривали воинов. Примерно в 23 часа мы подошли к 62-ой переправе. Переполненная войсковыми частями песчаная лощина напоминала волнующееся море. Трудно описать, что там творилось: длинные вереницы до отказа нагруженных автомашин, повозки с лошадьми, полковые и противотанковые пушки с передками, гаубицы, тяжелые артиллерийские орудия с тракторами и люди — огромная масса людей, повсюду крик и шум — кто-то что-то приказывает, кто-то ищет какого-то начальника. Все это перекрывается гулом и грохотом моторов.

Продвигаемся на несколько десятков метров и опять останавливаемся — это значит, что очередная загруженная баржа ушла, ждем следующей погрузки.

На той стороне переправы горит город. Такое впечатление, что на протяжении десятков километров горит все лесное побережье реки. Багровое небо и черная, обугленная земля Сталинграда с левого берега Волги больше всего напоминают мне страшную, запомнившуюся с детства сказку покойной бабушки, сказку о больших войнах между драконами и о горевших городах.

19 сентября 1942 года примерно в 2 часа, после продолжительного маневрирования к причалу вплотную подошла черная баржа с ранеными. Медицинский персонал начал выгружать из баржи в первую очередь тяжелораненых. Их было очень много. По узкой тропинке причала бредут раненые, которые могут двигаться без посторонней помощи, бредут, опираясь на палки, разные деревяшки и даже на беззатворные немецкие винтовки.

Стоящие ближе к барже бойцы обступили раненых, расспрашивают, ищут среди них родных и близких. Слышны громкие голоса начальника штаба нашей 95-ой стрелковой дивизии Клименко и комиссара полка Крысова: они спорят с каким-то начальником, который требует пропустить вне очереди оставшиеся подразделения и транспорт с боеприпасами на подошедшую к берегу черную баржу.

Наконец начинаем погружаться и мы. Закапризничали лошади, ездовым пришлось успокаивать животных. Черная баржа до отказа заполнена людьми, лошадьми, военной техникой и транспортом, сидеть негде.

Зеркальная поверхность Волги освещается висящими в воздухе термитными фонарями вражеской авиации. Над нами с неприятным шумом пролетает несколько вражеских снарядов. Всего в нескольких метрах раздался глухой взрыв, баржа дрогнула и закачалась. Нам повезло, мы благополучно пристали к причалу на правом берегу Волги.

Началась выгрузка. В первую очередь выгрузились стрелковые батальоны, за ними — артиллеристы. Обрывистый, изрезанный оврагами правый берег Волги заполнен людьми, повозками с боеприпасами, кое-где валяются разбитые автомашины, повозки, раздувшиеся трупы лошадей, какие-то ящики.

Мы двинулись к той части города, где бушевал пожар и откуда ночной холодный сентябрьский ветер доносил запах гари. По дороге встречаются раненые бойцы — группами и в одиночку.

Преодолев мощенный булыжником узкий подъем, мы остановились в каком-то дворе. Разведчики быстро нашли довольно большой блиндаж, где расположился взвод управления батареи. К нам присоединились также бойцы из взвода боепитания и отделения пищевого блока со старшиной Отырба. Я разрешил устроить перекур. Чтобы приободрить уставших бойцов, начал рассказывать анекдоты и смешные истории — хохотал весь блиндаж.

Скоро связной передал приказ командира батареи выступать. Через полчаса мы уже шагали по узким мощеным улицам рабочего поселка «Красный Октябрь» и на рассвете подошли к железнодорожному полотну. Лошадей и транспорт

убрали в укрытие, а орудия замаскировали за полотном железной дороги.

Перед нашим 90-ым стрелковым полком стояла задача: очистить Мамаев курган от противника, овладеть высотой 102,0 и закрепиться на западном скате высоты в районе МТС. В это время некоторые подразделения стрелковых полков 95-ой стрелковой дивизии уже вели ожесточенные бои у подножья Мамаева кургана, за полотном железной дороги, а части 13-ой гвардейской дивизии генерала Родимцева — на центральном участке города и в районе железнодорожного вокзала.

19 сентября 1942 года в 6 часов стрелковые батальоны и артиллерийские батареи нашего 90-го стрелкового полка получили боевые задания: 1-ый батальон капитана Белоусова должен был атаковать противника с юго-восточного, а 2-ой батальон капитана Сидоренко — с северо-восточного склона Мамаева кургана.

Для поддержки наступающих подразделений огневые взводы нашей полковой батареи были приданы стрелковым батальонам: 1-ый огневой взвод лейтенанта Мидюка — 1-ому стрелковому батальону, 2-ой огневой взвод младшего лейтенанта Осадчего — 2-му стрелковому батальону. Соответственно по огневым взводам был разбит и взвод управления батареи: я со своими разведчиками и связистами был прикреплен к 1-му огневому взводу, а замполит батареи, старший политрук Рябцев — ко 2-му огневому взводу. Основной задачей огневых взводов нашей полковой артбатареи было закрепиться и хорошо замаскироваться на юго-восточном и северо-восточном скатах Мамаева кургана (за полотном железной дороги) и уничтожать появлявшиеся танки противника.

В 11 часов 62-ая армия начала артиллерийскую подготовку; артиллерия, расположенная на левом берегу и в самом городе, почти целый час обстреливала закрепившегося на Мамаевом кургане и его скатах противника.

От взрывов скаты Мамаева кургана и высота 102,0 были покрыты густым черным пороховым дымом и желтой пылью. Не видно было ни земли, ни неба. Мамаев курган был похож на извергающийся вулкан.

После артподготовки началась атака. С криками «Ура!.. За Родину!... Вперед!...» в атаку пошел 1-ый стрелковый батальон капитана Белоусова. Закрепившиеся на скатах и на высоте гитлеровцы упорно сопротивлялись; противник пустил в ход авиацию, артиллерию, танки. Наша полковая и соседняя противотанковая батареи одновременно атаковали вражеские танки. Наводчик орудийного расчета сержанта Попова, бывший донецкий рабочий, ефрейтор Назаров меткими орудийными выстрелами за несколько минут подбил три тан-

ка противника, а артиллеристы лейтенанта Седова сержант Алексей Воскресенский и ефрейтор Кузьма Пономаренко уничтожили два танка.

Сломив упорное сопротивление гитлеровцев, 8-ая рота старшего лейтенанта Веселова углубилась в расположение противника. Разгорелся кровопролитный бой, на некоторых участках завязались рукопашные схватки. Ценой больших потерь наши овладели высотой 102,0. Во второй половине дня 19 сентября 1942 года бывший разведчик нашего взвода сержант Иван Несторович Чернышев водрузил на вершине Мамаева кургана Знамя 90-го стрелкового полка.

Ворвавшиеся в расположение противника бойцы 8-ой стрелковой роты старшего сержанта Литвина на бегу вели огонь по попавшим врасплох гитлеровским солдатам и офицерам.

Разведчики тоже включились в рукопашную схватку. Противник усилил бомбардировку с воздуха, авиация гитлеровцев без передышки бомбила группы подкрепления, спешившие на помощь нашим частям.

Передовые штурмовые группы 1-го батальона закрепились на вершине и в полуокружении вели ожесточенный бой с превосходящими силами противника.

В результате энергичного натиска, наши войска сломили сопротивление врага и заставили немцев отступить. Покрытые воронками скаты Мамаева кургана были усеяны трупами фашистских солдат и офицеров. Наши потери были также очень велики. Во время штурма погибли ефрейтор Лукава, рядовой Елесин, связист Буткин, капитаны Строганский и Сидоренко, были ранены разведчик Кравейшвили, младшие лейтенанты Ахрахадзе, Кравейшвили, Баркалая, Пацация, командир 8-ой роты лейтенант Веселов, заместитель командира батальона, старший лейтенант Попов и многие другие.

За первый день битвы тягловая сила батареи вышла из строя почти на 60%. Артиллеристам пришлось самим тащить на высоту тяжелые 76-миллиметровые полковые пушки.

Рядом с наступающей пехотой и артиллеристами полка находились наши славные медики. Невозможно забыть бесстрашных молодых девушек — Лидию Левко, Валентину Силову и многих других, которые своими тонкими девичьими руками вытаскивали из огня раненых воинов, переносили их на себе в укрытие, оказывали первую медицинскую помощь, а затем переправляли в полевые госпитали или в тыл. Невозможно забыть молодого врача, комсомолку Валентину Одинцову, которая спасла жизнь многим доблестным воинам, прошла тяжелый путь войны до крутых берегов Волги и пала смертью храбрых на Мамаевом кургане, защищая Сталинград.

Во время штурма высоты я получил первое ранение. Снайперская пуля противника попала мне в щеку; первым прибежал на помощь лейтенант А. А. Мидюк, затем подоспела Валентина Одинцова. Ночью 19 сентября, в числе многих раненых однополчан, на грузовой автомашине меня отправили через 62-ую переправу в медсанбат нашей дивизии, который в то время находился на левом берегу Волги. Рана моя оказалась неопасной. На второй же день, ночью 20 сентября я вернулся в свою батарею. К этому времени части нашей дивизии значительно продвинулись к вершине Мамаева кургана, а некоторые стрелковые и пулеметные взводы прорвались в глубь расположения противника и в окружении вели ожесточенные бои.

Ввиду того, что полковые орудия были разбросаны по батальонам, эффективность артобстрела в наших частях была довольно низкая. Бойцы несколько раз пытались поднять орудия на вершину кургана, но безрезультатно, так как после бомбардировок вся поверхность возвышенности была изрыта огромными воронками и траншеями. Поднять пушку весом около тонны без помощи транспорта было невозможно, а транспорта не хватало. Из 36 упряжных лошадей на второй день в живых осталось только 8, а из 16 верховых — 1.

Мы предложили для более эффективного использования мощи полковой артбатареи сосредоточить все огневые взводы на одной огневой позиции и вести огонь по закрытым целям противника с дальнего прицельного расстояния. Наше предложение было одобрено командиром полка. В тот же день я произвел рекогносцировку местности: для огневой позиции артиллеристы наметили территорию одного из цехов завода «Красный Октябрь».

21 сентября 1942 года, с наступлением темноты, наша полковая артиллерийская батарея, со всем личным составом, боевой техникой, транспортом и боеприпасами, была сосредоточена во дворе сборочного цеха завода. Орудия были замаскированы, а для лошадей и боепитания подыскали хорошее укрытие недалеко от орудий.

Еще находясь на Мамаевом кургане, мы наметили место, где можно было бы устроить наблюдательный пункт в случае переброски батареи на новую огневую позицию. Ночью 21 сентября с разведчиками и связистами я поднялся по северо-восточному скату Мамаева кургана — примерно на 100—150 метров севернее водонапорных башен. Мы выбрали место для наблюдательного пункта, очистили и расширили заваленные траншеи, установили артиллерийские приборы. Связисты подтянули кабель до огневой позиции, установили телефонную связь с 1-ым батальоном и со штабом полка. К рассвету наблюдательный пункт был готов. Недалеко от нашего наб-

людательного пункта был расположен наблюдательный пункт артиллерийского полка 95-ой стрелковой дивизии, а вдоль северного хребта высоты — наблюдательные пункты других частей 62-ой армии.

Разведчикам и связистам удалось до рассвета немного отдохнуть. С наступлением утра зазвонили телефоны на наблюдательном пункте. Объективы наших артиллерийских приборов нацелились на запад и юго-запад, где были расположены вражеские части. Видимость была очень хорошей, наш наблюдательный пункт начал подготавливать данные для ведения огня.

Выполняя задание командования стрелковых батальонов и штаба полка, с закрытой позиции артбатарея обстреливала западный и юго-западный склоны Мамаевого кургана, где закрепилась вражеская пехота. Разведчики Крышенко, Мчедлишвили, Агекян и другие зорко следили за передвижением войск противника в радиусе до 7 километров и буквально за секунды подготавливали данные для ведения огня.

Штабы батальонов, отдельные подразделения нашей и других дивизий 62-ой армии в основном были сосредоточены в тоннелях, устроенных в длинной балке, которая тянулась от юго-западного края железнодорожного моста до самой вершины Мамаева кургана. По этой балке проходили также коммуникации, связывающие батальоны, батареи, отдельные роты, командные и наблюдательные пункты Мамаева кургана с батальонами, батареями, огневыми позициями и командными пунктами полков, дивизии и армии.

Я решил по примеру соседних батальонов для отдыха своих разведчиков и связистов устроить небольшой блиндаж-тоннель. За две ночи мы перетащили с полотна железной дороги шпалы, короткие железные балки и листы буковой фанеры, достали кирки, лопаты, топоры, выкопали в глубокой лощине небольшой тоннель. Вход и потолок тоннеля укрепили железными балками и шпалами. Сырые земляные стены и потолок облицевали клееной фанерой. Сооружался тоннель под руководством бывшего донецкого шахтера, старшего разведчика, сержанта Донцова. Блиндаж был так укреплен, что мог выдержать даже удар авиабомбы, но, к большому нашему огорчению, ни одному из нас не пришлось переночевать в нем, так как бои на скатах и высоте не прекращались ни днем, ни ночью. Мы по-прежнему оставались на ночь в открытых траншеях, расположенных в нескольких метрах от основного наблюдательного пункта.

Высота кургана за сутки по несколько раз переходила из рук в руки, наш наблюдательный пункт находился на расстоянии 80—100 метров от этой страшной высоты 102,0, а бойцы

стрелковых взводов нашего полка на расстоянии — 60-70 метров, чтобы противник не мог достать нас ручной гранатой.

Нам всем, находившимся на передовой, выгодно было находится на близком расстоянии от противника, так как в этом случае мы не могли подвергаться воздушной бомбардировке и артобстрелу, а достать нас ручными гранатами на таком расстоянии противник не мог.

Такой тактический метод ведения близкого боя давал возможность нашим войскам немного передохнуть и набраться сил для новой атаки.

Гитлеровцы же всячески избегали ближнего боя, их страшили наши штыки и приклад русской винтовки. В ответ на нашу тактику гитлеровцы усилили обстрел. Без передышки из пулеметов и автоматов обстреливали они наши передовые позиции, а с наступлением темноты до самого рассвета ракетами, трассирующими пулями и висящими термитными фонарями освещали передний край.

С другой стороны, нас, артиллеристов, не очень устраивало такое сближение с противником, т. к. на близком расстоянии наши наблюдательные пункты быстро демаскировались благодаря блеску артиллерийских приборов и достаточно громкой команде. В результате только 23 сентября всего за несколько часов снайперами противника были убиты разведчик Кравейшвили и связист Болдянкин, тяжело ранен в голову старшина Донцов. Поэтому мы и решили изменить место наблюдательного пункта и для дезориентации противника устроить ложный наблюдательный пункт. На ложном наблюдательном пункте мы установили разбитую стереотрубу и буссоль без окуляра. Между этими приборами поставили чучело солдата, на голову ему надели каску, а на грудь повесили разбитый немецкий бинокль. Основной наблюдательный пункт мы перенесли на несколько метров западнее, хорошо замаскировали , прорыли довольно глубокие ходы сообщения и соорудили деревянно-земляные перекрытия.

За ночь 23 сентября мы устроили также запасной наблюдательный пункт рядом с водонапорными башнями. С этого запасного наблюдательного пункта хорошо был виден весь западный сектор расположения частей противника.

Почти весь день 24 сентября с запасного наблюдательного пункта я производил корректировку огня батареи на довольно дальние расстояния. Наша батарея уничтожила несколько огневых точек и много живой силы противника.

С огневой позиции замполит батареи, старший политрук Рябцев по телефону передал мне, что во время бомбардировки тяжело ранен наводчик второго орудия Баркалая и что его без сознания увезли к берегу Волги. Дальнейшая судьба

этого храброго артиллериста мне неизвестна. Спустя несколько часов, во время наладки телефонной связи, в правое плечо был ранен наш связист Джгаркава, разведчик Мчедлишвили унес его на основной наблюдательный пункт, оказал первую помощь и уложил в траншее на «безопасном» месте. В тот же день во время перестрелки пулеметная очередь скосила командира стрелкового взвода 8-ой роты 1-го батальона нашего полка, младшего лейтенанта Белоусова. Мы перетащили его к себе в укрытие, но молодой офицер был уже мертв.

С наступлением темноты к нам прибежала врач Валентина Одинцова и сделала перевязку связисту Джгаркава. От Валентины мы узнали, что недалеко от медицинского пункта на северо-восточном скате Мамаева кургана при бомбежке погиб врач нашего полка Гончаров.

В 18 часов я был вызван на командный пункт дивизии, где должно было состояться заседание дивизионной партийной комиссии.

На командном пункте я доложил командиру полка Борисову и комиссару Крысову об обстановке на нашей батарее, передал начальнику штаба полка старшему лейтенанту Слуцкому дневную сводку и явился к комиссару дивизии Илье Архиповичу Власенко.

До начала заседания комиссар Власенко коротко и содержательно информировал нас о событиях на нашем участке фронта и о положении на других участках, а также о задачах парторганизации 95-ой стрелковой дивизии.

Ровно в 21 час, впервые за время ожесточенных боев, под сильной бомбежкой и артиллерийским обстрелом противника, в героическом городе Сталинграде открылось заседание дивизионной партийной комиссии 95-ой стрелковой дивизии. В повестке дня заседания стоял один вопрос — прием в партию.

В ту ночь дивизионная партийная комиссия работала допоздна: приняли в партию многих бойцов и командиров, в основном из нашего 90-го и 161-го стрелковых полков. На заседании от парторга 161-го стрелкового полка я узнал, что 20 сентября на восточном скате Мамаева кургана во время штурма героически погиб командир полка Руднев, старый большевик, активный участник гражданской войны. Похоронили его на левом берегу Волги, в фруктовом саду, где в то время находился медсанбат нашей дивизии.

25 сентября немцы перешли в контрнаступление, завязался ожесточенный бой, фашисты шли напролом, их уничтожали, но они лезли опять, оставляя за собой горы трупов. Из траншеи, находившейся в нескольких метрах от водонапорных башен, примерно в том месте, где сегодня возвышается

главный монумент памятника — ансамбля «Родина-мать зовет!», неожиданно для немцев выскочила группа наших пулеметчиков, возглавляемая командиром роты лейтенантом Панченко, и с криком «Ура!» ворвалась в расположение атакующего подразделения гитлеровцев. Лейтенант Панченко и еще трое из его роты держали в руках ручные пулеметы и на бегу расстреливали фашистов, в дело пошли штыки и приклады винтовок.

В этом бою 1-ый батальон 90-го стрелкового полка потерял убитыми и ранеными почти половину своего личного состава. В числе немногих других героев прославленного батальона на вершине Мамаева кургана героически погибли командир пулеметной роты Панченко и бесстрашный ефрейтор Пурешков.

Гитлеровцам удалось на этот раз оттеснить части нашей дивизии с западного и юго-западного скатов кургана на северо-запад. В тот же день, в полночь, наши батальоны пошли в атаку. Немцы не выдержали внезапного натиска и оставили занимаемые позиции с большими потерями. Вершина кургана стала нашей. Утром мы продолжали корректировать артиллерийский огонь с запасного наблюдательного пункта и уничтожать огневые точки и живую силу противника.

На рассвете 26 сентября гитлеровцы опять попытались перейти в контратаку. С запада на горизонте появились немецкие танки. Дивизионная артиллерия, которой командовал капитан Строганский, мощным огнем преградила им путь. Наша батарея также вела огонь по наступавшим танкам противника. Несмотря на шквальный заградительный огонь, двум немецким танкам все же удалось прорваться в направлении наших наблюдательных пунктов. Сержанты Воскресенский и Пономаренко метким огнем противотанковой пушки подбили оба танка, а выскочивший экипаж был истреблен разведчиками Мчедлишвили и Крышенко. Остальные танки и пехота противника повернули обратно в укрытие. В тот день немецкие танки больше не появлялись.

Не прекращая бомбардировок, танковых атак, артиллерийско-минометного обстрела, гитлеровцы ежедневно вводили в действие свежие силы и усиливали натиск. Мы продолжали корректировать огонь нашей батареи с Мамаева кургана.

На северо-западе от Мамаева кургана и на западе от рабочего поселка «Красный Октябрь» находился лесной массив, который тянулся на несколько километров. В лесу стоял двухэтажный дом, который с вершины Мамаева кургана хорошо просматривался даже без приборов. В этом доме с рассвета до наступления темноты постоянно наблюдалось движение: бегали солдаты, подъезжали на легковых автомобилях офи-

церы. Мы не сомневались, что в этом доме в лесу находился какой-то важный пункт противника, который мы условно называли «Штабом противника». Я решил беглым огнем батареи внезапно обстрелять этот «штаб». За несколько минут подготовили данные, начали пристрелку одним орудием по ложным целям; для этого мы выбрали небольшой бугорок в 100—150 метрах севернее «штаба». Расстояние от огневой позиции до «штаба» составляло 4 километра. После пристрелки перенесли огонь батареи непосредственно на «штаб». Три наших орудия стреляли осколочными снарядами, четвертое — зажигательными. Через несколько минут «штаб» загорелся. Из горевшего здания выскакивали растерянные офицеры. Горели также стоявшие у здания легковые автомашины. Примерно через 5—10 минут мы услышали сильный взрыв, после которого пожар забушевал с новой силой.

На расстоянии 100—150 метров в глубь западного и юго-западного краев кургана находились укрепления противника. Засевшие в бетонных дотах гитлеровцы ни днем, ни ночью не прекращали пулеметного огня и стрельбы из автоматов. Атаки наших стрелковых подразделений на этом участке фронта оканчивались неудачей, атакующие систематически попадали под шквальный пулеметный огонь, несли большие потери и вынуждены были отступать на прежние рубежи. Уничтожить эти немецкие укрепления 76-миллиметровыми снарядами с далекого расстояния и с закрытой позиции было невозможно. Большинство этих укреплений находились у основания высоты 102,0 Мамаева кургана, на расстоянии броска ручной гранаты.

26 сентября со мной по телефону связался комиссар полка Крысов и приказал уничтожить все вражеские укрепления, которые мешают подразделениям полка продвигаться вперед. Обстрелять эти вражеские укрепления полковыми орудиями не представлялось возможным, так как наименьший прицел не позволял этого. Когда я доложил об этом комиссару Крысову, он категорически потребовал уничтожить укрепления и приказал стрелять без наименьшего прицела. Огневая позиция нашей батареи была удалена от вражеских укреплений почти на 200 метров; понимая всю сложность приказа комиссара Крысова, я приступил к его выполнению. Одним орудием начали производить пристрелку: первый выстрел — перелет, снаряд разорвался на расстоянии 300—350 метров от вражеских укреплений; уменьшили прицел на два деления — снаряд разорвался недалеко от нашего основного наблюдательного пункта; увеличили прицел на одно деление — третий снаряд разорвался около нас, осколок разбил цейсовскую трубу, мы чудом остались невредимыми. Мы вынуждены были приостановить огонь; я связался с комиссаром Крысовым и опять до-

ложил, что стрелять невозможно, снаряды могут поразить наши войска на переднем крае и в первую очередь — наш наблюдательный пункт. Однако комиссар упорно стоял на своем. Тогда я приказал своим разведчикам и связистам укрыться в водонапорной башне. На наблюдательном пункте около буссоли остался только я один, рядом в глубокой яме сидел связист Лукава. Я дал команду — «Первым двум орудиям — огонь!». Через несколько секунд снаряды разорвались в 10—15 метрах от меня, одним осколком была разбита буссоль, другой сорвал у меня с головы каску; тяжело был ранен боец 8-ой роты. Я приказал прекратить огонь. Находившиеся по соседству с нашим наблюдательным пунктом командиры других стрелковых подразделений нашего полка и командиры соседних наблюдательных пунктов в ответ на мои странные действия подняли шум. Один из командиров, кажется, майор Максимов, сам связался с Крысовым и доложил: «Товарищ старший батальонный комиссар, артиллерийские снаряды рвутся на наблюдательном пункте и около переднего края наших подразделений, наши артиллеристы фактически ведут огонь по своим, я им приказал прекратить огонь!» Комиссар Крысов приказал мне немедленно явиться к нему на командный пункт полка. Под сильным обстрелом вражеских пулеметов я с трудом добрался до командного пункта, который находился под железнодорожным мостом. Меня выслушали командир полка Борисов и начальник артиллерии дивизии Баличенко. Они убедили комиссара Крысова, что огнем полковой артиллерии эти вражеские укрепления с закрытой позиции уничтожить невозможно, кроме того, рельеф местности не позволяет полковым орудиям обстреливать эти укрепления. Капитан Баличенко дал задание уничтожить вражеские укрепления на западных скатах Мамаева кургана гаубичному дивизиону. С наступлением темноты я вернулся на свой наблюдательный пункт.

25 сентября дивизионная артиллерия капитана Строганского мощным гаубичным огнем преградила путь наступавшим танкам и пехоте противника. В этот момент огонь нашей батареи был направлен в основном против пехоты гитлеровцев. Противник наступал с западного и северо-западного секторов Мамаева кургана. Вдруг в тот момент, когда снаряды начали рваться в расположении противника, совершенно неожиданно огонь нашей батареи прекратился. Залегшая пехота противника снова двинулась по направлению к кургану. Телефонная связь между нашим наблюдательным пунктом и огневой позицией работала нормально, каких-либо изменений на огневой позиции с наблюдательного пункта мы не заметили. Причина прекращения огня оставалась непонятной. Я ка-

тегорически потребовал уменьшить прицел на одно деление и немедленно возобновить огонь. Через несколько минут огонь нашей батареи возобновился. Командир 2-го огневого взвода младший лейтенант Осадчий передал мне по телефону с огневой позиции, что огонь нашей батареи был прекращен по приказу старшего лейтенанта политрука Рябцева, который, боясь исчерпать запас снарядов, распорядился сделать «передышку».

По моим подсчетам оказалось, что к вечеру 26 сентября наша батарея имела в своем распоряжении 350 снарядов. Замполит батареи Рябцев признался, что допустил ошибку.

27 сентября над Мамаевым курганом появились вражеские самолеты и начали бомбить командные пункты наших батальонов, расположенные в основном на северном скате Мамаева кургана.

После авиационного налета, который продолжался несколько часов, немцы открыли сильнейший артиллерийско-минометный огонь. От разрывов вражеских снарядов и мин всю вершину Мамаева кургана заволокло пороховым дымом и желтой пылью. После такой сильной бомбежки и артиллерийской подготовки мы все ожидали появления вражеских танков и пехоты, поэтому, несмотря на усиленный обстрел, подразделения нашего полка, в том числе наши артиллеристы, начали усиленно готовиться к контрудару.

Артиллерийская подготовка противника также длилась более двух часов; после артподготовки опять начался воздушный налет.

Еще не кончилась вражеская артподготовка, как подразделения 1-го батальона пошли в атаку. Атака была отбита. Во время атаки геройски погибли командир 1-го батальона капитан Белоусов, его заместитель по политчасти Муравьев, командир 8-ой роты старший лейтенант Веселов и многие другие солдаты и офицеры.

28 сентября снова начался налет вражеской авиации, самолетов было так много, что не видно было солнца. Основной целью налета был Мамаев курган. Через несколько минут немцы начали бомбежку. От взрывов тяжелых бомб дрожала земля. Густой черный туман из порохового газа, дыма и пыли застилал Мамаев курган. Казалось, горит сама земля, дышать было невозможно.

После бомбежки в атаку пошли немецкие танки. Наши артиллеристы открыли заградительный огонь. В этом бою гаубичная батарея старшего лейтенанта Яскова подбила несколько вражеских танков, огнем нашей батареи было уничтожено четыре танка, противотанковые пушки лейтенанта Седова прямой наводкой подбили два, а старший сержант Мчедлишвили — один фашистский танк.

Наши войска пошли в контратаку. Батальоны 161-го стрелкового полка наступали с северо-востока, свежий батальон старшего лейтенанта Маковецкого — с юго-востока, а остатки нашего 90-го стрелкового полка вели бои на самой вершине Мамаева кургана.

Мамаев курган был закрыт сплошной черной пеленой. Что творится на вершине кургана, разглядеть было невозможно. Артиллерийские залпы смешивались с автоматными очередями. Раздавались крики на русском, немецком и еще на каких-то непонятных нам языках, стонали раненые. Все это сливалось в один душераздирающий вопль, в адский гул, страшнее которого я никогда в жизни ничего не слыхал,

Через полчаса на Мамаевом кургане постепенно стала появляться видимость, висящая в воздухе желтая горячая пыль медленно оседала на живых и мертвых.

Исковерканная земля Мамаева кургана была покрыта трупами. Горло першило от невыносимо острого и тяжелого запаха порохового газа, горящей земли, человеческой крови, смрада горелой резины и тряпок. Все успокоилось, только когда стемнело. Немецкая атака была отбита. Мамаев курган оставался в наших руках.

Наш запасной наблюдательный пункт полностью был разрушен, валялись разбитые приборы, телефонные трубки без аппаратов, догорали катушки проводов. Оба наши телефониста были тяжело ранены. Разведчики под пулеметным огнем противника с трудом перетащили раненых на основной наблюдательный пункт.

Основной наблюдательный пункт также был разрушен. Из артиллерийских приборов чудом уцелела только буссоль, стоявшая на своих пробитых пулями треногах в яме, засыпанной землей, и один телефонный аппарат.

Немцы теснили нас на северо- и юго-восток. Подразделения 161-го стрелкового полка вели тяжелые бои на юго-восточном скате Мамаева кургана, а мы продолжали сдерживать врага на северо-восточном и восточном скатах высоты 102,0. Вместе с остатками 8-ой роты первого батальона мы продолжали отбивать атаки немецких автоматчиков, которые наступали с северо-запада, от водонапорных башен Мамаева кургана.

К 14 часам на нашем участке бой утих, армейская артиллерия с восточного берега Волги продолжала обстреливать противника. Несколько снарядов «катюш» попали и в наше расположение, поэтому мы вынуждены были отойти на 50—70 метров к востоку. Под сильным артиллерийским обстрелом находился участок водонапорных башен.

Во время кровопролитных боев на Мамаевом кургане рядом со сражающимися воинами постоянно находились ра-

ботники медицинской службы — Костя Башкирин, Иван Струков, Лидия Левко, две Валентины — Одинцова и Суббочева и другие. Они вытаскивали из огня тяжелораненых, оказывали им первую помощь. Благодаря им была спасена жизнь сотен советских воинов.

Вспоминая эти тяжелые незабываемые дни Сталинградской битвы, спустя более 30 лет, бывший хирург 161-го стрелкового полка, а затем хирург медсанбата 95-ой стрелковой дивизии Валентина Ивановна Суббочева-Власенко в письме к своему однополчанину пишет:

«Иван Георгиевич! Вы просите рассказать о подвигах товарищей. Это трудно. Из всех наших однополчан я не знаю никого, кто бы трудился не в полную силу. Сейчас не верится, что все это было с тобой и с твоими товарищами, что мы — в то время совсем молодые, малоопытные люди — могли вершить в бою против врага такие дела».

А вот как вторая участница героической защиты Сталинграда, Валентина Никифоровна Жилкина-Боровая вспоминает в письме к своему однополчанину тяжелые дни на Мамаевом кургане. «Раненых было много, не успевали перевязывать, руки были, как у мясника, в крови, воды не было, о еде забывали... Я очень многих вынесла с поля боя, многим оказала помощь... Думать о себе было некогда, когда кругом слышались стоны и зов о помощи, когда лилась кровь, цвет жизни погибал на глазах... Трудно было мириться с тем, что умирала молодежь, не пожив, как следует, на свете...».

С рассвета до темноты 28 сентября 1942 года на всех участках Сталинградского фронта продолжались кровопролитные бои. На командном пункте дивизии, из разговора старших командиров я узнал, что особо критическое положение создалось в центральной части города, где уличные бои с превосходящими силами противника вели гвардейцы генела Родимцева. Гитлеровцы продолжали подбрасывать свежие, хорошо вооруженные войска. Противник беспрерывно атаковал наш передний край. За весь день 28 сентября на Мамаевом кургане ни на минуту не прекращались атаки и рукопашные схватки. Защитники Мамаева кургана наносили немецким захватчикам сокрушительные удары. К утру 29 сентября противник сумел на некоторых участках фронта оттеснить наши войска. В 9 часов ожесточенные бои шли за полотном железной дороги.

Несмотря на тяжелую обстановку, под железнодорожным мостом состоялось очередное заседание дивизионной партийной комиссии. На заседании между работниками политотдела шел разговор о положении нашей 62-ой армии. Особое внимание было уделено повышению морального духа войск. В подразделениях проводились беседы и собрания, на кото-

рых выступали командиры и политработники частей и дивизии, а также работники политотдела армии. В ожесточенных боях росли ряды коммунистов. Только за десять дней, за последнюю декаду сентября 1942 года на заседаниях дивизионной партийной комиссии было рассмотрено несколько сот заявлений о приеме в партию. Штурмовые группы, как правило, возглавляли коммунисты и комсомольцы. Коммунистам и комсомольцам давались особо ответственные поручения, но общая их задача сводилась к тому, чтобы личным примером — беззаветной храбростью, силой духа и мужеством воодушевлять всех воинов в бою.

Меня вызвал к себе на командный пункт комиссар Крысов и сообщил, что положение на передовой неважное, наши роты во время вынужденного отступления растеряли своих людей, которые, по-видимому, примкнули к другим подразделениям дивизии. Комиссар приказал мне взять группу разведчиков, проверить все соседние войсковые части — от передовой линии фронта до берега Волги — и собрать своих людей.

Передо мной стояла нелегкая задача. Под непрекращающимся огнем противника разыскивать людей в оврагах и лощинах, в развалинах и охваченных пожаром зданиях. Искать людей, большинство которых не знаешь ни в лицо, ни по фамилии, ходить по всем подразделениям частей нашей и других дивизий, чтобы найти примкнувших к ним бойцов нашего полка и доставить на командный пункт. Все это очень трудно выполнить, но приказ есть приказ.

Я стоял, прислонившись к цементной стене тоннеля, и думал: для сколачивания крепкой надежной группы разведчиков нужно подыскать людей, а где их взять? Мне нужны сметливые и бесстрашные ребята, которые хорошо знают расположение частей и подразделений нашей дивизии, а также расположение противника.

По вопросу создания группы разведчиков я посоветовался с командиром батареи, мы говорили довольно долго и пришли к единому мнению: для выполнения приказа комиссара полка Крысова из состава батареи создать отряд из 5 разведчиков. В группу разведчиков мы включили Крышенко, Никурадзе, Шермазанова, Чернышенко и Майсурадзе, хотя Майсурадзе на огневой позиции исполнял обязанности повара.

Старшина Отырба приготовил для нас все необходимое, я лично проверил у всех разведчиков автоматы, пистолеты, гранаты и бинокли. В вещмешки разведчики положили сухой паек, фляжки с водой, обоймы с патронами, перевязочные пакеты. К 14 часам мой отряд был готов для выполнения зада-

ния комиссара Крысова. Перед заданием мы решили поспать хотя бы 2—3 часа.

Примерно к 17 часам старший политрук Рябцев разбудил нас. Связь с командным пунктом была восстановлена. По телефону меня вызвал комиссар Крысов и спросил, готов ли я к выполнению задания. Я ему доложил, что через час-полтора буду со своими разведчиками у него на командном пункте.

Мы взяли свои вещи, еще раз проверили состояние оружия и запас патронов. Каждый из нас дополнительно взял по две лимонки.

К 19 часам я со своей группой разведчиков уже был на командном пункте полка. В первую очередь я забежал в штаб полка к старшему лейтенанту Слуцкому, ознакомился со схемой расположения частей и подразделений нашей дивизии, на маленьком клочке бумаги обозначил их условными знаками и направился к комиссару.

У комиссара находился командир полка Борисов. Он потребовал познакомить его с разведчиками. Я завел своих ребят к ним. Командир и комиссар полка спросили у разведчиков о поставленной перед ними задаче, дали им дополнительные инструкции. Через пять минут мы отправились выполнять задание. Стемнело. Обход мы начали с подразделений 161-го стрелкового полка. В землянке командного пункта 161-го стрелкового полка было несколько человек, некоторых из них я знал в лицо, они тоже узнали меня. Я доложил командиру батальона о том, что согласно приказу командира нашего полка мы ищем своих людей. Командир батальона (фамилии не помню) связался со своими подразделениями и узнал, что у них находятся посторонние солдаты, человек 10. Спустя 15—20 минут к нам привели 14 бойцов, все они были из разных подразделений 1-го и 2-го батальонов 90-го стрелкового полка. Они узнали меня и очень обрадовались. Я поручил разведчику Чернышенко доставить всех четырнадцать бойцов на командный пункт полка. Мы же впятером пошли дальше искать «заблудившихся».

Прошли примерно 200—250 метров, маленький отряд вооруженных моряков задержал нас, матросы повели нас к своему начальнику. Я доложил незнакомому майору о том, что, выполняя задание командования 90-го стрелкового полка, ищу заблудившихся при отступлении бойцов и предъявил свое удостоверение личности. Майор по телефону связался со своими подразделениями и спросил, нет ли у них заблудившихся бойцов соседнего полка. К нашему огорчению, у них таковых не оказалось, и мы пошли дальше.

Не буду описывать подробно, как мы бродили в поисках своих людей из части в часть. Часто попадали в опасные переделки, наталкивались на вражескую засаду. На командных

пунктах нас чаще всего встречали шуточками — очевидно, это было действительно смешно — разыскивать «заблудившихся» бойцов, — но шутки всегда были добродушными, беззлобными, и, нахохотавшись вволю, командиры подразделений уже всерьез и охотно выполняли нашу просьбу.

Ночью передовую линию фронта мы в основном определяли по ракетам противника, а расположения наших подразделений узнавали от патрулей и часовых. Несмотря на это, мы часто попадали в расположение противника, поэтому не обходилось без перестрелки. Однажды мы оказались «между двух огней» — по нас стреляли как немцы, так и наши.

Дело обстояло примерно так:

за полотном железной дороги произошло столкновение между нашей группой и довольно большой группой противника. Фашистские автоматчики открыли огонь, освещая нас ракетами. Крышенко и Майсурадзе бросили по несколько гранат. С востока, где располагались подразделения 241-го стрелкового полка, начался пулеметный обстрел переднего края противника. Мы оказались между двух огней в буквальном смысле слова: с одной стороны — наш пулемет, с другой — немецкие автоматы. В этой перестрелке были ранены Майсурадзе и Никурадзе. Взвалив на плечи раненых, мы поползли в ту сторону, где бил наш пулемет. Скоро мы нашли медицинский пункт 241-го стрелкового полка, где раненым сделали перевязку.

Мы остались втроем — Крышенко, Шермазанов и я, бродили до самого утра по подразделениям нашей дивизии, нашли еще 15 человек, из них 11 из нашего полка, а четверо — из 161-го стрелкового. Всех заблудившихся мы доставили на командный пункт полка. 1 октября, ровно в 6 часов я зашел к комиссару полка и доложил о результатах выполнения задания и о наших потерях. Комиссар Крысов сообщил мне, что меня вызывают в штаб полка, чтобы поручить новое задание.

После разговора с комиссаром Крысовым я направился в штаб полка. По дороге встретил командира противотанковой батареи нашего полка Седова и командиров батарей других полков нашей дивизии. Все они направлялись в штаб полка, но никто точно не знал, для чего нас вызвали. Вскоре к нам присоединился начальник артиллерии дивизии капитан Баличенко, начальник артиллерии нашего полка капитан Красноцкий, начальник ветеринарной службы дивизии Гляненко и начальник инженерной службы дивизии подполковник Д. А. Заболоцкий.

В штабе 90-го стрелкового полка собрались все командиры артиллерийских частей и подразделений нашей дивизии. В 7 часов мы получили приказ командира дивизии. Начальник штаба дивизии подполковник Клименко сообщил нам о

том, что намечается постепенное перемещение войск 95-ой стрелковой дивизии на участки заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады». В связи с этим артиллерийским батареям, расположенным на правом берегу Волги, приказано было производить рекогносцировку местности, а при перемещении артиллерийских и минометных батарей и дивизионов — обеспечить маскировку личного состава, боевой техники и транспортных средств.

Начальник артиллерии дивизии приказал всем командирам батарей явиться в 14 часов на берег Волги, к водокачке, для разведки местности. После этого мы все разошлись по своим местам. В 20 часов я со своими двумя разведчиками был на огневой позиции.

Первого октября бои шли на дальних подступах к верхнему рабочему поселку завода «Красный Октябрь», на восточных и северо-восточных скатах и на самой вершине Мамаева кургана. Ожесточенные кровопролитные бои продолжались также и в самом центре города.

В воздухе беспрерывно кружили вражеские самолеты, сбрасывая «чемоданы» с осколочными бомбами. Одновременно воздушные пираты обстреливали нас из пулеметов. Тяжелые бомбардировщики противника с очень большой высоты бомбили расположения армейской артиллерии на левом берегу Волги.

Рекогносцировку местности мы произвели под сильным артиллерийско-минометным обстрелом и воздушной бомбардировкой. Для огневой позиции нашей батареи наметили участок примерно в 350—400 метрах от водокачки и в 100—150 метрах от берега Волги. В этом же районе были расположены танковые части наших войск.

2 октября до самого вечера наша батарея продолжала вести огонь против наступающего противника в направлении Мамаева кургана и верхнего рабочего поселка завода «Красный Октябрь». Одновременно перед нашей батареей была поставлена задача вести постоянное наблюдение за северо-восточным сектором Мамаева кургана и подступами к заводу «Красный Октябрь» и в случае появления танков противника открыть по ним огонь.

3 и 4 октября гитлеровцы еще больше усилили бомбардировку Сталинграда — от тракторного завода до центра города. Весь город был охвачен пожаром: горели и рушились жилые и административные здания, школы и больницы, заводы, горели деревья, под железнодорожными рельсами горели шпалы.

Одно орудие 2-го огневого взвода прямым попаданием вражеской авиабомбы было разбито, в нашей батарее осталось три орудия. С наступлением темноты младший лейте-

нант Осадчий притащил одну противотанковую пушку и несколько десятков 45-миллиметровых снарядов. Почти все ездовые и бойцы из взвода боепитания были прикреплены к орудиям.

4 октября к 14 часам на нашем участке фронта немного стихло, хотя кое-где в воздухе появлялись вражеские разведчики и раздавались редкие разрывы снарядов.

5 октября с рассвета наша батарея поменяла огневую позицию: мы передвинулись на 100—150 метров к западу от крутого берега Волги. Передвигаться было трудно: улицы заводских районов были завалены и исковерканы бомбами и снарядами, свирепствовал пожар, противник не прекращал огня. Улицы города стали непригодными для передвижения артиллерии. Мы имели единственную реальную возможность — перетащить наши орудия, передки со снарядами и повозки с продовольствием и военным имуществом через проселочную дорогу, идущую на север до самой водокачки. Из тягловой силы в нашем распоряжении были только четыре упряжные лошади. Проселочная дорога, тянувшаяся вдоль берега Волги, тоже была местами изрыта, местами — забита разбитым транспортом, ящиками с боеприпасами, трупами лошадей. По такой дороге тащить 3 орудия и около 500 снарядов было очень тяжело, но наши артиллеристы справились с задачей.

От завода «Красный Октябрь» до самой водокачки без конной тяги бойцы и командиры сами перетащили всю технику — довольно тяжелые полковые орудия, передки со снарядами, две брички, тоже полные ящиков с боеприпасами, артиллерийских приборов и продуктов питания.

На запад от водокачки, в сторону завода «Баррикады» по обрыву проходила проселочная дорога. Мы решили временно остановиться у этого крутого подъема с таким расчетом, чтобы с наступлением темноты продолжить путь до новой огневой позиции. Разведчики и огневики хорошо разведали путь до будущей огневой позиции и вернулись к водокачке благополучно. Крутой, изрезанный оврагами берег Волги на этот раз оказался для нас хорошим убежищем.

На большой высоте над 62-ой переправой кружили вражеские бомбардировщики, периодически были слышны глухие подводные разрывы авиабомб и артиллерийских снарядов, недалеко от нас со свистом сыпались в Волгу трассирующие пули. Я смотрел на зеркальную поверхность Волги и думал: свидетельницей скольких войн и кровопролитных сражений является эта великая русская река, кто знает, существовал ли в далеком прошлом песчаный «Остров Зайцевский» и как назывался он во времена нашествий Мамая, Чингис-хана или при Иване Грозном.

К заводам вела узкая крутая тропинка, до рассвета мы сумели с берега Волги поднять по ней всю технику, транспорт, боеприпасы и продовольствие нашей батареи. Расставили наши орудия вдоль бетонной ограды одного из цехов завода «Баррикады» и хорошо замаскировали, снаряды и другие боеприпасы сложили в довольно надежной пещере примерно в 50-ти метрах от орудий. Лошадей поместили в погреб одноэтажного маленького дома. Примерно в 100—150 метрах от нас на северо-западе находилась огневая позиция противотанковой батареи лейтенанта Седова.

За ночь 6 октября связисты установили телефонную связь с командным пунктом полка и с 1-ым батальоном, который занимал один из цехов завода «Баррикады».

Дивизия получила подкрепление — в частях и подразделениях появились новые люди: наша батарея тоже получила 17 человек рядовых и младшего лейтенанта по фамилии Невохшонов, который был прислан на должность начальника боепитания батареи.

Новых людей распределили таким образом: по три бойца на каждое орудие, четыре человека дали связистам, одного человека — старшине Отырба, троих передали Новохшонову во взвод боепитания; Гвазава, вернувшийся из медсанбата, был назначен командиром отделения связи.

Для устройства наблюдательного пункта и ведения огня, 7 октября вместе со своими разведчиками я поднялся на одну из возвышенностей «Баррикад». С этой возвышенности хорошо был виден почти весь город — от Мамаева кургана до тракторного завода. Для устройства наблюдательного пункта из разведчиков взял с собой Крышенко, Агекяна, Чернышенко, из связистов — Гвазава, Джгаркава и одного из новых. Вскоре наблюдательный пункт был готов, связь с огневой позицией установлена. Всего в нескольких метрах от нашего наблюдательного пункта был устроен наблюдательный пункт артдивизиона 57-го артиллерийского полка нашей дивизии. С наблюдательного пункта артдивизиона была слышна команда и звуки выстрелов — там вели огонь. Я подошел к ним, чтобы узнать точную обстановку на передовой и основную задачу артиллеристов на этом участке фронта. У артиллерийских приборов стояли двое, один из них был, кажется, старший лейтенант Ясков, второй — младший лейтенант Каменкин. Ясков передавал команду, а связист Маскатов повторял эту команду в телефонную трубку. По передаваемым установкам я догадался, что дивизион обстреливает вершину Мамаева кургана. Командир дивизиона капитан Горячев, заметив меня, подал знак подойти к нему. Рядом с ним сидел подполковник, держал в руках какую-то схему и красным карандашом делал отметки, одновременно отдавая указания незна-

комому мне старшему лейтенанту и разведчику Сактаганскому. Позже я узнал, что этот подполковник был командир артиллерийского полка нашей дивизии Левкин. Подполковник мельком взглянул на меня и спросил капитана Горячева, кто я такой. Узнав, что я тоже артиллерист, командир артполка спросил, как дела у нас на батарее. После короткого разговора я вернулся на свой наблюдательный пункт, связался с начальником артиллерии полка и доложил о готовности батареи к ведению артиллерийского огня по закрытым целям.

Крышенко и Агекян засекли цели по всем направлениям передней линии противника. Ожесточенные бои продолжались в центре города, на скатах Мамаева кургана, в верхнем поселке завода «Красный Октябрь», на подступах к верхним «Баррикадам» и в районе тракторного завода.

9 октября во время сильной бомбардировки под обрывом завалило начальника боепитания младшего лейтенанта Невохшонова со всеми людьми и упряжными лошадьми. Спасти их было невозможно.

В результате беспрерывных бомбардировок, артиллерийско-минометного обстрела и свирепствовавшего в городе пожара, сильно сократилась доставка боеприпасов и продовольствия, трудности с каждым днем увеличивались. Но чем тяжелее становилась обстановка, тем больше возрастали мужество и стойкость защитников Сталинграда. Непоколебимая вера в победу придавала нам силы, помогала выстоять в смертельной схватке с ненавистным врагом. С каждым днем сильнее духом становились доблестные советские воины, с каждым днем росло в них сознание важности возложенной на них миссии, значения Сталинградской битвы для всего хода Великой Отечественной войны.

10 октября замполит батареи Рябцев по телефону сообщил мне, что на огневую позицию прибыли командиры из нашей дивизии и срочно вызывают меня к себе. В тот день немецкая авиация бомбила наши позиции до самого берега Волги.

Наши славные зенитчицы из 87-го зенитного полка метким огнем сбивали фашистские самолеты. Многие из них погибли в этом бою в рабочем поселке завода «Баррикады».

С большим трудом добрался я до огневой позиции, зашел в погреб, встретил там начальника артиллерии нашей дивизии капитана Баличенко, рядом с которым на ящике от снарядов сидел незнакомый худощавый майор с усиками — оказалось, что это майор А. А. Далакишвили. Баличенко сообщил мне, что переходит в распоряжение штаба армии, а майор Далакишвили назначается начальником артиллерии дивизии, в которую входила и наша батарея.

До 13 октября наша батарея в основном вела огонь по закрытым целям. Наблюдательные пункты были устроены на

возвышенных местах верхнего рабочего поселка завода «Баррикады» и в полуразрушенных зданиях. Наблюдательные пункты мы меняли очень часто, так как на близком расстоянии противнику легко удавалось их обнаружить. Обычно мы устраивали их в двух-трех местах. На одном из них — действующем наблюдательном пункте — устанавливали исправные артиллерийские приборы, а на других, ложных, — непригодные приборы и чучела. Так мы продержались на передовой линии фронта до 13 октября 1942 года. С 7 по 13 октября огнем нашей батареи было уничтожено много огневых точек и живой силы противника.

13 октября, на рассвете, я со своими разведчиками и связистами находился на одной из возвышенностей верхнего рабочего поселка завода «Баррикады» и производил стрельбу по обнаруженным целям противника. В тылу врага грохотали танки, гудели самолеты, — по-видимому, происходила перегруппировка вражеских войск. Вскоре в небе появились гитлеровские фокке-вульфы.

В 8 часов гитлеровцы начали обстреливать расположение наших войск до самого завода «Баррикады». Связь была прервана, прямым попаданием вражеских снарядов были убиты наши связисты, тяжело ранены разведчики Чернышенко и Агекян. Гитлеровцы пошли в атаку. Вместе с подразделениями 161-го и 241-го полков нашей дивизии и остатками 308-ой стрелковой дивизии мы отбивали атаку противника. К 14 часам сержант Гвазава восстановил связь, мы начали обстреливать передний край противника. Недалеко от нашего наблюдательного пункта была слышна команда старшего лейтенанта Яскова, он вел заградительный огонь гаубичной батареи. Атака противника на нашем участке фронта была отбита, наступление приостановлено. Раненым оказали первую помощь, перетащили их в лощину оврага на более безопасное место. По телефону я попросил, чтобы с огневой позиции прислали двух ездовых и санинструктора для доставки на медицинский пункт тяжелораненых. Разведчик Майсурадзе и связист Гвазава помогли военфельдшеру 161-го стрелкового полка Беляеву доставить раненых на берег Волги.

К вечеру, когда немного стихло и стемнело, мы похоронили убитых около полотна железной дороги.

Всю ночь связь работала превосходно. С командного пункта полка нас предупредили, что немцы получили подкрепление и готовятся к наступлению. В центре города и в районе тракторного завода шли бои.

14 октября на рассвете по всему фронту гитлеровцы начали сильнейший артиллерийско-минометный обстрел, на большой высоте в воздухе появились юнкерсы. Такого количества

вражеских самолетов над Сталинградом я еще не видел. Это был массированный налет. Немцы начали одновременную бомбежку почти всех наших позиций до самого берега Волги. Примерно к 11—12 часам в атаку пошли вражеские танки.

Скоро связь с огневой позицией была прервана, наша левобережная армейская артиллерия молчала, немцы местами прорвали нашу оборону и двинулись на восток по направлению Волги. За вражескими танками шли в большом количестве немецкие автоматчики. Были убиты наши разведчики и связисты, враг уничтожил установленные на нашем наблюдательном пункте последние артиллерийские приборы и всю аппаратуру связи, были израсходованы последние ручные гранаты и магазины автоматов. Старший разведчик Крышенко и я еле сумели вырваться из окружения. С пистолетами в руках мы спустились в овраг и пошли по направлению к огневой позиции батареи.

На огневой позиции положение было тяжелое. В результате бомбежки и артиллерийско-минометного обстрела больше половины огневиков были либо ранены, либо убиты. Остальные выкатили свои пушки из укрытия и прямой наводкой начали расстреливать наступавшего противника. Два орудия стреляли по танкам, а одно — по живой силе шрапнелью и осколочными снарядами.

Левобережная армейская артиллерия устроила противнику заградительный огонь.

Общая обстановка была нам неизвестна, всю ночь с участка тракторного завода и завода «Красный Октябрь» слышалась беспрерывная перестрелка — шли ожесточенные ночные бои. Справа от нас, в стороне тракторного завода находились остатки 37-ой гвардейской дивизии; западную и юго-западную часть цехов завода «Баррикады» занимали остатки 161-го и 241-го стрелковых полков нашей дивизии, остатки 308-ой стрелковой дивизии и рабочее ополчение завода «Баррикады». До самого утра я и лейтенант Мидюк искали командный пункт нашего полка, но безрезультатно. Кого мы ни спрашивали по дороге, никто ничего не знал.

15 октября ожесточенные бои продолжались. Бои шли за полотном железной дороги и в глубине расположения противника, там в отдельных домах и цехах завода сражались группы воинов наших частей. Огневики нашей батареи вели огонь только прямой наводкой по ближним целям. В полдень к нам на огневую позицию прибежал командир противотанковой батареи нашего полка лейтенант Седов; он передал, что его батарея с остатками людей во вчерашних боях полностью уничтожена, он сам чудом уцелел. От Седова мы узнали о

судьбе нашего стрелкового полка. В ожесточенных боях против превосходящих сил противника наш 90-ый стрелковый полк потерял почти весь свой личный состав. По оперативным данным штаба, к утру 15 октября из всего 90-го стрелкового полка в строю осталось около 50 стрелков, несколько командиров и небольшая часть штабных работников с начальником штаба Слуцким. Согласно приказу командира дивизии, остатки 90-го стрелкового полка, в том числе полковая артбатарея были переданы 161-му стрелковому полку Маковецкого. Остатки полка ночью должны были переправиться на левый берег Волги для переформирования.

Из среднего комсостава на батарее остались трое: лейтенант Мидюк, младший лейтенант Осадчий и я.

Примерно в 6 часов в районе водокачки шли ожесточенные бои, продолжавшиеся до самого вечера 16 октября. Мы так и не смогли связаться с 161-ым стрелковым полком нашей дивизии, так как между расположением полка и остатками подразделений соседних дивизий к северу от водокачки до самой Волги находились немцы. Наша батарея оказалась отрезанной от полков и подразделений 95-ой стрелковой дивизии. Орудия батареи продолжали самостоятельно вести огонь против наступавших танков и пехоты противника, поддерживая подразделения 118-го стрелкового полка и остатки 37-ой стрелковой дивизии полковника Желудева.

Южнее нас полки 138-ой стрелковой дивизии полковника И. И. Людникова 17—18 октября переправились на правый берег Волги и с боем заняли западную, юго-западную и северо-западную части завода «Баррикады».

Наша батарея до 18 октября действовала самостоятельно, 20 октября мы получили приказ из штаба 95-ой стрелковой дивизии не отходить и артиллерийским огнем поддерживать 768-ой стрелковый полк 138-ой стрелковой дивизии, который находился юго-западнее огневой позиции батареи, и 118-ый стрелковый полк 37-ой Гвардейской стрелковой дивизии, находившийся к северо-востоку от нас.

Наша батарея день и ночь вела бои против танков и пехоты противника. После 18-19 октября мы полностью утратили связь с командованием нашей 95-ой стрелковой дивизии и нас переподчинили 37-ой Гвардейской дивизии полковника Желудева.

В первых числах ноября 1942 года нам стало известно, что наша полковая артбатарея передана 161-му стрелковому полку 95-ой стрелковой дивизии, но добраться с орудиями до 161-го стрелкового полка было невозможно. К этому времени в результате усиленного артиллерийско-минометного обстрела и систематических налетов вражеских самолетов, орудия батареи были уничтожены, а личный состав вышел из строя. У

нас осталось только одно орудие без панорамы с несколькими снарядами и 11 человек.

4 ноября 1942 года остатки нашей батареи по примеру всех воинов-сталинградцев поклялись насмерть стоять за родную землю, за город Сталинград. В клятве, на которой мы все расписались, говорилось:

> «Во имя боевой славы наших отцов, во имя всего, что достигнуто за четверть века Советской властью, мы сражаемся под Сталинградом... Клянемся, что до последней капли крови, до последнего дыхания, до последнего удара сердца будем отстаивать Сталинград и не допустим врага к Волге. Перед лицом наших отцов, поседевших героев Царицынской обороны, перед полками, перед товарищами других фронтов, перед нашими боевыми Знаменами, перед всей Советской страной клянемся, что не посрамим славы русского оружия, будем биться до последней возможности!».

Через несколько часов после принятия клятвы прямым попаданием вражеского снаряда был убит бесстрашный командир 2-го огневого взвода, младший лейтенант Осадчий, на могиле которого мы, артиллеристы, еще раз поклялись мстить противнику за Осадчего, до последней капли крови защищать Сталинград. На могиле Осадчего я поклялся себе, что если останусь жив, то после разгрома фашистских захватчиков привезу одного из моих сыновей в город Сталинград и покажу все те места, где с 19 сентября по 22 ноября 1942 года я сражался против фашистов.

7 ноября 1942 года командира огневого взвода батареи лейтенанта А. А. Мидюка и меня вызвали на командный пункт 650-го стрелкового полка 138-ой Краснознаменной стрелковой дивизии, который был расположен в подвальной части небольшого двухэтажного здания.

От командира полка я получил боевое задание. Майор Печенюк приказал мне артиллерийским огнем разрушить стоявший против командного пункта кирпичный дом, в котором закрепились гитлеровские автоматчики. Наша батарея, располагавшая одним орудием и несколькими осколочными снарядами, начала выполнять приказ нового командира полка. Обстрел длился около 10—15 минут. Из немецкой роты не уцелел ни один гитлеровец.

На рассвете 12 ноября 1942 года гитлеровцы начали бесперебойный минометно-орудийный обстрел нашего расположения и командного пункта 650-го стрелкового полка. Одновременно немецкие самолеты с бреющего полета сбрасывали на командный пункт и прилегающие к нему здания фугасные бомбы. Вражеские танки обстреливали располо-

жения штаба полка и нашей батареи. Бой шел за каждый дом, а иной раз за комнату; каждый дом имел свой гарнизон, состав которого иной раз не превышал 2-3 человек.

В этом бою особенно отличились гвардии капитан В. Т. Пивен, старший сержант И. В. Дубов, П. Г. Тюпа, А. М. Уценко и другие.

13 ноября я и младший лейтенант Калинин из противотанкового ружья за день подбили 3 вражеских танка.

К вечеру 12 ноября 1942 года из нашей артиллерийской батареи остались в живых только двое — я и командир 1-го огневого взвода, лейтенант Александр Артемьевич Мидюк. Ночью Мидюк был тяжело ранен. Я оказал ему первую помощь и уложил на верхнем этаже командного пункта. После ранения Мидюка в моем гарнизоне, в недостроенном кирпичном доме, остался я один.

15 ноября 1942 года в 15 часов в ожесточенном бою я был тяжело ранен осколком снаряда в бедро. С поля боя меня вынесли рабочий завода «Баррикады», фамилию которого я, к сожалению, не помню, и повар командного пункта 650-го стрелкового полка Майсурадзе. Они доставили меня в санчасть, которая была расположена в пещере под крутым обрывом берега Волги — севернее командного пункта 138-ой Краснознаменной стрелковой дивизии. Очень хорошо помню, что перевязку мне делали двое — бакинец по фамилии Алиев и молодая русская девушка Валя.

В санчасти было много тяжелораненых. Лежать было негде. Я устроился в углу на каком-то ведре и просидел на этой «койке» до 22 ноября. Нас всех мучил голод. С питанием в Сталинграде становилось все хуже. За целую неделю мы получили по 20 г сала и 40 г сухарей на каждого.

22 ноября 1942 года всех раненых из санчасти погрузили на бронированный катер, чтобы переправить на восточный берег Волги в полевой госпиталь. На середине реки катер обстреляли немцы. Во время завязавшейся перестрелки я был ранен в голову. Без сознания меня доставили в госпиталь г. Ленинск на Волге. Там меня оперировали. Из ленинского госпиталя меня эвакуировали в г. Энгельс, затем перевели в Саратов, а оттуда — в Среднюю Азию, где я пролежал до конца мая 1943 года. 15 июня 1943 года на костылях я вернулся домой и до конца 1946 года продолжал лечение в Тбилиси. После длительного лечения я выздоровел, но следы тяжелых ранений долго давали о себе знать. Начать работать я смог только в 1947 году.

Так я закончил службу в рядах славной 95-ой стрелковой дивизии, которая после Сталинградской битвы и полно-

го разгрома армии Паулюса была преобразована в 75-ую Гвардейскую стрелковую дивизию.

Хотя я всегда помнил о клятве, данной мной на могиле боевого друга, младшего лейтенанта Осадчего, побывать в Сталинграде мне довелось только в 1971 году.

В Волгограде я был 2 дня, посетил Мамаев курган, был на том месте, где 19 сентября я получил первое пулевое ранение, познакомился с работниками памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы. Из волгоградского Государственного музея обороны взял адреса моих однополчан и решил разыскать оставшихся в живых.

С 1971 года я начал поиски однополчан. Разыскивать их пришлось по всему Советскому Союзу — от Прибалтики до Владивостока.

В результате упорных поисков мне удалось выяснить, что считавшиеся погибшими Александр Иванович Мышкин и Николай Иванович Литвин остались живы. Я написал им, получил от них ответ, и сейчас мы регулярно переписываемся, вспоминая о том, что нам пришлось пережить, и делясь сегодняшними заботами и радостями.

Многие защитники Сталинграда были награждены правительственными наградами, некоторым присвоено звание Героя Советского Союза, о многих героях мы знаем из книг, газет и журналов, многое узнаем из рассказов ветеранов войны. А сколько еще безымянных героев великой Сталинградской битвы ждут достойного описания своих подвигов?

1—3 июля 1972 года в городах Чугуеве и Курске состоялась встреча ветеранов 75-ой (95) Гвардейской стрелковой дивизии. На эту радостную встречу я выехал вместе с сыном, журналистом. Чугуево-Курская встреча в жизни ветеранов прославленного Бахмаческого дважды Краснознаменного ордена Суворова Гвардейского соединения стала большим историческим событием. Спустя 30 лет встретились старые фронтовые друзья. Трудно описать волнение, испытанное нами при этой встрече: рукопожатия, объятия, смех, слезы радости.

Впечатления Чугуево-Курской встречи я запечатлел на фотопленке. Мы с сыном отсняли более 600 кадров и разослали на память старым фронтовым друзьям. Из этих снимков мы оформили фотоальбом, который был передан в фонд музея Боевой славы.

Позднее мне посчастливилось быть непосредственным участником празднования 30-летия Сталинградской битвы, которое состоялось 1—4 февраля 1973 года в Волгограде. На

этот всенародный праздник я был приглашен Волгоградским обкомом и горкомом партии, исполкомом Областного и Городского Советов депутатов трудящихся, а также дирекцией волгоградской подшефной школы завода «Баррикады».

Мы с сыном приехали в Волгоград 2 февраля. На вокзале нам устроили теплую встречу. Нас торжественно приветствовали представители молодежи волгоградской телестудии.

В гостинице «Волгоград» нас встретили журналисты, фоторепортеры, представители партийных и советских органов области и города.

После теплых приветствий мне вручили памятные подарки — книги, медали, нагрудные значки, а также приглашения на митинг, торжественное заседание и банкет. Программа проведения празднования 30-летия Сталинградской битвы была разработана специальным Оргкомитетом. Вот эта программа:

ПРОГРАММА ПРЕБЫВАНИЯ В ВОЛГОГРАДЕ УЧАСТНИКОВ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ И ДЕЛЕГАЦИЙ, ПРИГЛАШЕННЫХ НА ПРАЗДНОВАНИЕ 30-ЛЕТИЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

30—31 января — Прибытие и размещение делегаций и участников Сталинградской битвы.

1 февраля — В 16.00 час. Комсомольская звездная эстафета участников марша «Дорогой славы героев Сталинграда», посвященная 30-летию Сталинградской битвы.

2 февраля — В 14.00 час. Торжественно-траурная церемония возложения венков в Зале воинской славы, у памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане.

— В 15.00 час. Митинг трудящихся города на площади Павших борцов, посвященный 30-летию разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, и торжественно-траурная церемония возложения венков у памятника защитникам Красного Царицына и воинам 62-ой и 64-ой армий.

— В 18.00 час. Торжественное собрание, посвященное 30-летию Сталинградской битвы в драматическом театре им. М. Горького.

3 февраля — отъезд.

Представители молодежи попросили меня отложить отъезд на 4 февраля, так как комсомольская организация теле-

студии города готовилась организовать встречу на Мамаевом кургане. Кроме того, на 3 февраля было предусмотрено посещение подшефной школы №2 завода «Баррикады» и легендарного «Острова Людникова».

Я решил остаться в Волгограде до 4 февраля, максимально использовать 3 февраля и по возможности посетить и сфотографировать все те места города-героя, где я воевал.

Ровно в 15 часов начался торжественный митинг трудящихся города и участников Сталинградской битвы. Стою на левой трибуне, рядом со мной герои-защитники Сталинграда, в центре трибуны Маршал Советского Союза В. И. Чуйков.

Трудно описать ту радость, которую испытывали все участники этой незабываемой встречи.

За 30 лет сильно изменились ветераны Сталинградской битвы, некоторых я узнавал только после того, как мне называли фамилии. Поседели головы старых воинов, на лице прибавилось морщин, но глаза всех светились радостью встречи, заново пережитым торжеством великой победы, смешанным с грустью о тех, кто, защищая Сталинград, навсегда остался в его земле и память о ком навсегда останется в наших сердцах.

Неузнаваемым стал и сам город. В отличие от ветеранов, за 30 лет город волшебным образом помолодел: появились новые широкие магистрали и проспекты, выросли красивые многоэтажные здания — школы, жилые дома, гостиницы, учреждения, театры.

От прославленного Мамаева кургана, кроме самой возвышенности, старого ничего не осталось, на склонах кургана совершенно исчезли следы исковерканных бомбами и снарядами балок и оврагов, траншей и блиндажей, которые в ожесточенных схватках по несколько раз в сутки переходили из рук в руки.

Мамаев курган стал символом жизни, символом бессмертной славы ратного подвига советского народа. На нем находится величественный скульптурный ансамбль — памятник воинам великой Сталинградской битвы: вводная композиция, аллея пирамидальных тополей, площадь «Стоять насмерть», стены-руины, площадь Героев, Монументальный рельеф, Зал воинской славы, площадь Скорби, главный монумент «Родина-Мать» — все напоминает о трагических и великих, ставших уже историей, событиях, событиях, о которых нельзя вспоминать без слез, о подвиге, который никогда не забудется.

На телевидении участникам встречи показали новый документальный фильм о Сталинградской битве. Комсомольцы

студии преподнесли мне книги с автографами героев-защитников Сталинграда, а также особенно ценный для меня подарок — осколок орудийного снаряда с надписью:

«Дорогому и глубокоуважаемому Ивану Георгиевичу Чарашвили, защитнику священной земли Мамаева кургана.

От благодарных и всегда помнящих Ваш подвиг.

Комсомольцы Студии телевидения,
Сталинград, 2 февраля 1942 года, 2 февраля 1973 года».

После Мамаева кургана мы посетили район «Баррикад», завод «Красный Октябрь», подшефную школу. Все эти места связаны со священными для меня воспоминаниями.

Тепло распрощавшись со старыми и новыми друзьями, вечером 4 февраля мы с сыном вылетели в Тбилиси.

После великой Сталинградской битвы прошло более 30 лет, но память о ней живет и будет жить в сердцах еще многих поколений. Много книг написано о Сталинградской битве. Снимаются фильмы, издаются воспоминания, публикуются научно-исторические труды. Однако никакая литература — ни художественная, ни мемуарная — не может полностью отразить все значение этого величайшего события, явившегося поворотным пунктом в ходе Великой Отечественной войны. Поэтому каждая новая страница, посвященная Сталинградской битве, является ценным документом, необходимым для воссоздания всей полноты картины всемирно-исторической победы советского народа под Сталинградом. Вот почему я решился передать на суд читателя мои скромные воспоминания, воспоминания рядового участника великой битвы.

Фотографии

Командир бывшей 95-ой стрелковой дивизии, Герой Советского Союза полковник В. А. Горишный

Командир 161-го стрелкового полка 95-ой стрелковой дивизии, Герой Советского Союза подполковник Ф. Е. Маковецкий.

Хирург медсанбата В. И. Суббочева и комиссар 95-ой стрелковой дивизии, Герой Советского Союза полковник И. А. Власенко.

Военврач 161-го стрелкового полка 95-ой стрелковой дивизии М. В. Гурули.

Старший сержант 90-го стрелкового полка 95-ой стрелковой дивизии И. Н. Чернышев.

Старший фельдшер 161-го стрелкового полка 95-ой стрелковой дивизии Л. Н. Левко (первая слева) с боевыми друзьями.

Начальник артиллерии 95-ой стрелковой дивизии полковник А. А. Далакишвили.

Командир 1-го огневого взвода артбатареи 90-го стрелкового полка 95-ой стрелковой дивизии лейтенант А. А. Мядюк.

Командир бывшей 138-ой Краснознаменной стрелковой дивизии, Герой Советского Союза генерал-полковник И. И. Людников

Командир 650-го стрелкового полка 138-ой Краснознаменной стрелковой дивизии, Герой Советского Союза полковник Ф. И. Печенюк.

Участники Чугуево-Курской встречи, ветераны 95-ой стрелковой дивизии. Июль 1972 года.

Участники Сталинградской битвы на праздновании 30-летия разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом. Февраль 1973 года.

Братская могила на «Острове Людникова».

Редактор издательства Н. П. Солод
Художник Н. Б. Кипшидзе
Техредактор И. В. Хуцишвили
Корректор В. Д. Долидзе

Подписано в печать 27/V-75
Формат бумаги 60×90/16
Печатных л. 3
Учетно-издательских л. 2, 67

Заказ 603 **УЭ 06382** Тираж 1000

Цена 40 коп.

Издательство Тбилисского университета,
Тбилиси 380028, пр. И. Чавчавадзе, 14
თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა
თბილისი 380028, ი. ჭავჭავაძის პროსპექტი, 14.

Типография Тбилисского университета,
Тбилиси, 380028, пр. И. Чавчавадзе, 1.
თბილისის უნივერსიტეტის სტამბა
თბილისი, 380028, ი. ჭავჭავაძის პრ. 1

ივანე გიორგის ძე ჩარაშვილი

ᲛᲐᲛᲐᲘᲡ ᲧᲝᲠᲦᲐᲜᲖᲔ

(რუსულ ენაზე)

თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა
თბილისი 1975